

**Вологодские Саваофы в пальте поэта...**  
**Isaev A. (Russian Federation)**  
**The Vologda's Sabaoth in the Poet's Cloak...**  
**Исаев А. А. (Российская Федерация)**

*Исаев Александр Александрович / Isaev Alexander Alexandrovich – доктор философских наук, профессор,  
кафедра философии и права,  
Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, г. Сургут*

**Аннотация:** *большая дружная российская семья – поэт, «Голубоглазые вологодские Саваофы», опричнина, «Логос» без Λόγος'а, мать этики, дочь эстетики и гопники.*

**Abstract:** *the large tightly-knit Russian family – a Poet, «blue eyed Vologda's Sabaoth», the Oprichnina, «Logos» without Λόγος, the Mother of Ethics, the Daughter of Aesthetics and the Yobbos.*

**Ключевые слова:** *поэт, «Голубоглазые вологодские Саваофы», опричнина, Λόγος / «Логос», мать этики, дочь эстетики, гопники.*

**Keywords:** *a Poet, «blue eyed Vologda's Sabaoth», the Oprichnina, Λόγος / «Logos», the Mother of Ethics, the Daughter of Aesthetics, the Yobbos.*

Кто еще, помимо поэта, мог это сказать?, – «...Ты можешь размышлять о вечности и сомневаться в непорочности идей, гипотез, восприятия...» [1]. Дальше в оригинале: «...произведения искусства и – кстати – самого зачатия Мадонной сына Иисуса» [1], – но мы это пропустим, поскольку (и ныне это совершенно ясно) И. Бродский жил во времена игрушечного мракобесия; сейчас бы его – не на поселение, а – на костёр. Не только народ заслуживает то, что имеет, но и поэт... Точнее, у каждого поэта своя эпоха и это – именно эпоха, а не какое-то там «время», и это – именно его (И. Бродского) эпоха: «Какую биографию делают нашему Рыжему!...» Но, при всей проникновенности, А. Ахматова не могла и предполагать, как она была права, в особенности, сейчас – в эпоху нового Средневековья, а где-то и вернувшегося из прошлого родоплеменного строя. Впрочем, продолжим... «Но лучше поклоняться данности с глубокими ее могилами, которые потом, за давностью, покажутся такими милыми» [1].

Кто еще, помимо поэта, мог это сказать?, – «Запоминать пейзажи за окнами в комнатах женщин...» [2] – нигде его (поэта) душа не равна самой себе – и пролегла ли где-то черта ее оседлости?.. Быть может, ее не было вообще? И стоило ли сетовать, почти – жаловаться – на то, что в предпочтении частной жизни забрался так далеко от родины?.. «...Я видел только одну планету: оранжевую планету циферблата» [3] – немного слюнявая, но действенная логотерапия: только поэт при встрече с гопниками на Савеловском мог наградить их титулом – «Голубоглазые вологодские Саваофы»... Те, уходя и вздыхая: «В таком пальте...». Родина, блин! Узнаете, Виталий Владимирович? Любила ли она его? А он (...)? Мог ли он знать и чувствовать, что настанут времена на Руси, когда Саваофы, не найдя червонца в пальте поэта, попросту «прогрызут чрево у матери своей, святой русской земли...»? Опричнина, она Опричнина и есть. И ничего не изменилось... «Нет, мы не стали глуше или старше, мы говорим слова свои, как прежде, ...и нас не любят женщины всё те же» [4] – загляните в прошлое и там вы встретите... себя.

Комментарий в ритме интерлюдии, «изобретенный» в бурных 90-х... Всегда было понятно: «Вопросы философии»... Хотя, после двух с половиной тысяч лет неустанных попыток неглупых с виду людей понять хоть что-то... – какие после этого могут быть вопросы? Есть Λόγος и есть «Логос»... Казалось, что можно быть каким угодно человеком и мыслить честно. Эти «граффити» на бесцветных общежитских обоях... – странный способ увековечить «умные» мысли. «Логос» ни чем не лучше обоев, а communities интеллектуалов, организованные по типу «in-crowd», ничем не лучше expat communities или чиновничьей номенклатуры.

А если не «через два года» [4]? «Приходит время сожалений. При полусвете фонарей, при полумраке озарений не узнавать учителей» [5]. Кто еще, помимо поэта, мог это сказать? Повторяться грешно. Но можно ли повторять то, чье время еще не настало? Можно ли «повторять» будущее? И делать это так, чтобы оно не успевало превращаться в прошлое? «Ко мне приходит гость, из будущего времени приходит»: «Я обращаюсь в слух, <...> и коротко желание услуг. <...> Вот фонари, под вывеской молочной коричневые крылышки дверей. <...> Вот улица... одним концом в коричневую мглу, и рядом детство плачет на углу, а мимо всё пронесится троллейбус. <...> Вот вам приятель – Гость. Вот вам приятель – ложь. Всё та же пара рук. Всё та же пара глаз. Не завсегда – Гость, но так на вас похож... Смотрите на него. <...> Любите же его. Он – менее, чем стих, но – более, чем проповеди злобы. Любите же его. Чем станет человек, когда его столетие возвысит... Любите же его. Он напрягает мозг...» [6]. Человек ценит только результат своих собственных усилий... Ох уж эта аксиология: и кто знает, как душа наша связана с тем, что мы считаем условием возможности нашей собственной жизни, в то время

как другим на это наплевать? И что сказывается на нашем существовании больше – будущее или прошлое? Но «стрелки крутятся не быстро, и время делает аборт...» [7].

Жизнь не должна быть тавтологией – повторением чужого, она может быть только собственной, своей, – не важно: читатель вы или писатель. Поэт отказывался верить в предсказание/диагноз, поставленный Р. Бартом Автору (скорее, из вредности, вряд ли он был просто не в курсе, хотя где Америка и где Франция, да и беременность гениальностью не повышала шансы на взаимопонимание), а с нашим диагнозом Читателю все еще проще: И. Бродскому повезло – он вовремя умер (1940–1996) и не попал во власть Web'a (Classmates.com, 1996). Кстати (или некстати), Facebook and Co. дан нам злонамеренным Pickle Work не вместо ли И. Бродского?

Жизнь не должна быть тавтологией – повторением чужого, она может быть только собственной, – не навязанной извне: «Одна из заслуг литературы и состоит в том, что она помогает человеку уточнить время его существования..., избежать тавтологии...» [8]. Способ существования искусства – создание всякий раз новой эстетической реальности. «Народу следует говорить на языке литературы». Здесь «следует» – это долженствование, а значит – юрисдикция этики, но эстетика – «мать этики»; эстетическое «хорошо» и «плохо» предпосылочно этически «добро» и «зло», а эстетический выбор – этическому: «Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное». Человек со вкусом менее восприимчив к повторам и коллективным заклинаниям; «частность» жизни, ее индивидуальность защищает его от порабощения: «...*Зло*, особенно политическое, всегда *плохой стилист*» (курсив мой. А.И.) [8, С. 9]. Свобода человека и способность сделать (нравственный выбор) напрямую связана с его эстетическим опытом. Отрывка и донос – в равной степени не эстетичны и свойственны тем, кто лишен чувства прекрасного: человек, лишенный чувства прекрасного..., – звучит хуже, чем «мужественная женщина».

### *Литература*

1. *Бродский И.* Одиночество // Его же. Соч. В 4 тт. СПб.: Пушкинский фонд; Третья волна, 1992. Т. 1. С. 28.
2. *Бродский И.* Определение поэзии // Его же. Соч. В 4 т. Т. 1. С. 30.
3. *Бродский И.* (Без названия) // Его же. Соч. В 4 т. Т. 1. С. 34.
4. *Бродский И.* Через два года // Его же. Соч. В 4 т. Т. 1. С. 48.
5. *Бродский И.* «Л.М.» // Его же. Соч. В 4 т. Т. 1. С. 50.
6. *Бродский И.* Гость // Его же. Соч. В 4 т. Т. 1. С. 56; 55; 58–59.
7. *Бродский И.* Петербургский роман // Его же. Соч. В 4 т. Т. 1. С. 70.
8. *Бродский И.* Нобелевская лекция // Его же. Соч. В 4 т. Т. 1. С. 8.